

ВИДЕНСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 20.

СУББОТА, МАІЯ 15 го ДНЯ 1854 ГОДА.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

Содержаніе: Домовой, народное повѣрье.— Судъ аистовъ.— Испытанное средство отъ бородавкъ.

ДОМОВОЙ, НАРОДНОЕ ПОВѢРЬЕ.

Между угасающими годъ отъ году повѣрьями простолюдиновъ, вѣра въ домового остается долѣе и крѣпче въ народномъ воображеніи, чѣмъ вѣра въ другія созданія стариннаго воображенія предковъ. Въ простонародіи нашемъ труднѣе всего разстаются съ этимъ духомъ, то покровителемъ, то нарушителемъ спокойствія домовъ. Я встрѣчалъ простолюдиновъ, которые съ философскимъ скептицизмомъ разсуждали о бродящихъ мертвецахъ, о вѣдмахъ, о гаданьяхъ и заговорахъ и между тѣмъ увѣрили въ существованіи домового.

Домовой есть существо нечеловѣческаго міра, но иногда является въ образѣ челоуѣка и обыкновенно старика съ сѣдою бородою и длинными ногтями, которыми производитъ иногда шумъ, царапаясь по стѣнамъ. Впрочемъ ему не всегда даютъ старую физиогномію; иногда онъ является въ видѣ красиваго юноши и даже въ видѣ дитяти. Но всего чаще онъ даетъ о себѣ знаніе какимъ нибудь звукомъ и лишаетъ людей возможности видѣть свою фигуру.

Домовой существо чисто ни доброе, ни злое, или нерѣдко можетъ быть и добрымъ и злымъ, судя по обстоятельствамъ. Въ тѣхъ домахъ, гдѣ онъ себя не выказываетъ, онъ ни добръ, ни злъ; но по народному вѣрованію нѣтъ такого дома, гдѣ бы не было домового. Обыкновенное мѣсто его за печкою; ребятишки иногда видятъ страшныя хари, выказывающіяся изъ за печки, но по другимъ источникамъ домовой живетъ въ стѣнѣ и будучи духомъ, котораго не очень стѣсняють законы непроницаемости, разгуливаетъ внутри стѣны, давая иногда о себѣ знаніе трескомъ и стукомъ по ночамъ. Такой стукъ или трескъ имѣетъ значеніе у знатоковъ демонологіи, и они по немъ выводятъ какія нибудь заключенія. Добрый домовой предостерегаетъ хозяевъ объ опасности. Если внезапно среди ночной тишины раздается въ стѣнѣ трескъ, на подобіе выстрѣла—это значить, что въ домѣ должно случиться что нибудь неожиданное, если трещитъ уголь—обыкновенно это признается за предвѣстіе смерти кого нибудь изъ домашнихъ. Царапанье по стѣнамъ и тихій шелестъ означаетъ болѣзнь или

приближающуюся нищету. Въ простонародіи существуетъ повѣрье, что иногда въ стѣнѣ раздается всхлипываніе; тогда надобно спросить: *къ добру или худу!* И домовый сквозь слезы скажетъ отвѣтъ. Если домовый золь и хочетъ выжить хозяевъ изъ дома, то поднимаетъ такой стукъ, что въ домѣ нельзя спать, ворочаетъ стульями, столами, — иногда же раскидываетъ по полу вещи, но когда спящіе проснутся и начнутъ свидѣтельствовать комнату, гдѣ происходилъ шумъ, то ничего не находятъ. Всего хуже бываетъ, если въ домѣ заведутся нѣсколько домовыхъ: эта порода вовсе не уживается въ обществѣ; между ними всегда поднимается страшная междоусобная война, — театръ ея чаще всего бываютъ чердаки. Тогда хоть бѣжать изъ дому! Каждую ночь происходитъ трескотня, стукъ, свистъ, иногда вой, вопль и такіе страшные звуки, которые приличны исключительно обществу привидній.

Иногда домовый проказничаетъ съ спящимъ, стаскиваетъ съ нихъ одѣяла, щиплетъ ихъ за ноги, залѣзаетъ подъ кровать и когда человѣкъ вздумаетъ опустить руку, то хватается его за руку, а иногда взваливается на грудь, душитъ и производитъ то мучительное и томительное состояніе, которое известно подъ именемъ кошмара. Впрочемъ, это дѣлается не всегда съ дурною цѣлю тревожить человѣка; иногда домовый прибѣгаетъ къ такимъ мѣрамъ, чтобъ сообщить хозяевамъ что нибудь для нихъ полезное или предостеречь отъ опасности: по этому, считаютъ нужнымъ во время припадка кошмара заговорить съ домовымъ и думаютъ, что онъ будетъ тогда бесѣдовать о чемъ нужно.

Повѣрье о сношеніяхъ домовыхъ съ лошадьми общезвѣстно. У поселянъ, живущихъ около Саратова, также существуетъ повѣрье, будто домовые ночью завиваютъ лошадямъ гривы, если любятъ ихъ, и вьзять на нихъ до поту, если не влюбятъ; кучера показываютъ иногда утромъ лошадей до того утомленными, что онѣ едва держатся на ногахъ и все тѣло ихъ по-

крыто потомъ, какъ мыломъ. Миѣ показывали также однажды лошадь, у которой грива была заплетена въ косы и приписывали это рукамъ домовыхъ. Суевѣріе это истекаетъ изъ глубочайшей древности. У Прибалтійскихъ Славянъ при храмѣ Свантовита на островѣ Рюгенѣ былъ бѣлый конь, на которомъ, по мнѣнію народа, ѣздилъ ночью богъ Свантовитъ и жрецы утромъ показывали народу этого коня, облитого потомъ, какъ мыломъ. Запрещено было человеку свивать гриву и хвостъ этого священнаго коня, вѣроятно потому, что это занятіе исключительно предоставлялось божеству или духамъ. — Средствомъ для предохраненія лошадей отъ вліянія домовыхъ почитается козель, котораго съ этою цѣлю держатъ въ конюшняхъ.

Домовые завиваютъ не только лошадямъ гривы и хвосты, но подобное дѣлаютъ и съ людьми. Миѣ рассказывали, будто въ окрестностяхъ Саратова въ крестьянской избѣ была дѣвочка, у которой каждую ночь домовый завивалъ волосы; эта дѣвочка испытывала при этомъ чрезвычайно страшное состояніе, худѣла, чахла и умерла.

(Сар. Губ. Вѣд.)

СУДЬ АИСТОВЪ.

Въ селѣ Сырокоренье Смол. Губ. Краей. Уѣзда, года два тому назадъ стали показываться аисты (*Ciconia alba*). Эти птицы — рѣдкіе гости въ Смоленской Губерніи: нѣтъ и четырехъ лѣтъ, какъ онѣ появились въ Краснинскомъ и Вѣльскомъ Уѣздахъ въ очень маломъ количествѣ. Крестьяне не пугаютъ ихъ, и аисты преспокойно располагаютъ свои гнѣзда въ срединѣ зелени раскидистыхъ старыхъ деревьевъ. Конечно, это помѣщеніе для нихъ не такъ удобно, какъ напримѣръ, въ Курляндіи, гдѣ они смѣло селятся на крышахъ домовъ. Жители селъ и деревень очень рады такимъ гостямъ:

по общему ихъ повѣрью аисты приносятъ съ собою благоденствіе и изобиліе дому, на которомъ живутъ; мужичокъ не наштукъ задумывается, если аисты почему нибудь бросятъ прежнѣе гнѣздо и перелетятъ на другое мѣсто: это вѣрный знакъ, что какое нибудь несчаствіе постигнетъ домъ, брошенный перелетной птицей. Наши Смоленскіе мужички не приписываютъ аистамъ большой важности, и потому эти птицы не пользуются у насъ такими правами, какъ въ Курляндіи.

Въ селѣ, о которомъ я упомянулъ въ началѣ, церковь обсажена липами; липы эти очень стары. Когда то, въ старые годы, неизвѣстно съ какою цѣлью, были они срублены до половины и теперь пышно разрослись боковыми вѣтвями, такъ что середина ихъ осталась пустою. На одной изъ этихъ липъ свила себѣ гнѣздо чета аистовъ, и самка снесла два яйца.

Обыкновенно аисты поочередно высиживаютъ птенцовъ: одинъ изъ нихъ летитъ за пищей въ ближнее болото, а другой остается дома, пока первый не съѣсть его. До высиживанія аисты бываютъ очень осторожны и пугливы; но, сидя на гнѣздѣ, подпускаютъ къ себѣ человека очень близко.

Гнѣздо на деревѣ доставляло обильную пищу любопытству крестьянскихъ мальчиковъ, съѣдившихъ издали за всѣми дѣйствіями диковинныхъ птицъ. Какъ то разъ удалось имъ удовлетворить своей страсти къ естественнаго и разсмотрѣть гнѣздо вблизи: согнали они аиста, или онъ отлетѣлъ самъ, только шалуны вскарабкались на дерево и стали дѣлать свои наблюденія. Кому то изъ нихъ пришло на мысль—зъмнѣить одно изъ яицъ аиста вороньимъ, которое на ту пору нашлось подъ рукой. Такъ и сдѣлали мальчики, потомъ слѣзли съ дерева и продолжали издали свои наблюденія.

Аистъ возвратился и, не подозрѣвая подлога, спокойно усѣлся на свое мѣсто. Настало

время птенцамъ явиться на свѣтъ (*). Самка крикомъ зоветъ самца, чтобы сообщить ему свою радость. Прилетаетъ самецъ и видитъ въ гнѣздѣ возлѣ молодаго аиста какое то странное, неизвѣстное ему существо. Аистъ начинаетъ тревожно кричать и кружиться около самки, хлопая крыльями. Наконецъ онъ улетаетъ, а самка, печально повѣсивъ голову, остается на гнѣздѣ.

Цѣлые сутки самецъ не возвращался. На другой день онъ прилетаетъ въ сопровожденіи своихъ сотоварищей. Шумно столпились они около гнѣзда, съ котораго согнали самку, и дивились на бѣднаго вороненка. Слышно было, что у аистовъ шла жаркая бесѣда, самка сидѣла поодаль и не принимала въ ней участія. Наконецъ несчастный вороненокъ былъ заклеванъ и сброшенъ съ дерева. Этимъ однако не кончился несправедливый приговоръ. Аисты съ ожесточеніемъ бросились на самку, стали щипать ее со всѣхъ сторонъ и потомъ, схвативъ бѣдную длинными своими носами, цѣлой кучей поднялись съ нею на воздухъ. Воображаю изумленіе зрителей при видѣ этой летящей массы!

Поднявшись на страшную высоту, аисты пустили истерзанную самку и она раздробилась, ударившись о землю.

Толпа улетѣла, остался одинъ печальный аистъ. Онъ не принималъ участія въ исполненіи жестокаго приговора своихъ товарищей и долго еще сидѣлъ, повѣся носъ. Наконецъ улетѣлъ и онъ. Одинокій птенецъ достался въ руки деревенскихъ естественныхъ испытателей.

Изъ этого случая видно, какъ сильно развито въ аистахъ то, что мы уклончиво называемъ инстинктомъ, скрывая за этимъ темнымъ и слишкомъ общимъ названіемъ, какъ за ширмами, недостаточность нашихъ познаній въ Естественной Исторіи. Много еще нужно опы-

(*). Аисты и всѣ птицы, питающіяся животными, принадлежатъ къ разряду выводящихъ: ихъ птенцы вылупляются изъ яицъ уже опущенные, и скорѣе прочихъ.

товъ и наблюдений, пока эта наука изъ мертвой классификаціи и анатоміи существъ природы, сдѣлается наукою о постепенномъ развитіи природы въ ея произведеніяхъ.

К. Широковъ.

(Смола. Губ. Вѣд.)

ИСПЫТАННОЕ СРЕДСТВО ОТЪ БОРОДАВОКЪ.

Смотря ежедневно съ прискорбіемъ на руки ученика моего, четырнадцати-лѣтняго мальчика, совершенно унизанныя бородавками, которыя такъ были часты, что сидѣли одна подле другой и слитно, придумывалъ я чѣмъ бы пособить такому горю, избавить мальчика отъ неприятности. Наконецъ я вспомнилъ, что во внутреннихъ губерніяхъ бородавки называются простолюдинами куриными бородавками, и это названіе привело меня къ мысли сдѣлать надъ бородавками опытъ съ травой, называемою „куриная слѣпота“ (*Ranunculus*) (*), употребле-

мая противу лихорадочныхъ болѣзней, о которой было опубликовано и въ Земледѣльческой Газетѣ. Поэтому весною, когда выростаетъ означенная трава въ стебель, я порвалъ ее, смялъ изъ нея шарикъ въ мелкій орѣхъ, приложилъ мальчику на сросшіяся вмѣстѣ три бородавки, упрочившіяся годами, и оставилъ привязанною часа на три. Вслѣдствіе этого образовался на томъ мѣстѣ, гдѣ была приложена трава, волдырикъ, а съ нимъ отдѣлились отъ тѣла и бородавки; когда же начало раздраженное травкою мѣсто заживать, то бородавки какъ на волдырикѣ, такъ и всѣ бывшія по обѣимъ рукамъ начали сваливаться сами собою безъ боли и столь скоро, что въ теченіе четырехъ дней руки отъ бородавкъ очистились совершенно. Вновь же повторить опытъ случая мнѣ не представилось. Сказанная трава, хотя о ней и было писано, что ее прикладывали сухою, и что она производила желаемый успѣхъ, но въ Кизлярѣ въ сухомъ состояніи дѣйствія не производитъ никакого, что мною было испытано многократно.

*Кизлярскаго Крестово-движенскаго
Монастыря Настоятель
Игуменъ Германъ.*

(Зем. Газ.)

(* Она растетъ при болотахъ, и имѣетъ желтенькій цвѣтъ.